

**ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ КООРДИНАЦИИ.
КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОПЫТ РЕФОРМЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
СТРАНАХ**

Корнаи Я.

(Венгрия)

Анализируется опыт реформ в социалистических странах Восточной Европы, направленных на приватизацию собственности, устранение бюрократического аппарата и переход к рыночным отношениям.

1. ВВЕДЕНИЕ

Мир является свидетелем глубоких социальных изменений в социалистических странах, где с 1988 г. начали происходить драматические события. Настоящая статья посвящена оценке прошлого опыта. Автор надеется, что правильное понимание прошлого поможет выработать здоровую политику на будущее. Конечно, число социалистических стран, которые занимались реформой в прежние времена, невелико, и ситуация во всех этих или бывших социалистических государствах все еще неопределенная. Единственное, что можно сейчас сделать, — обрисовать некоторые предварительные гипотезы, которые будут проверены в ходе исторического развития.

Вопросы, обсуждаемые в статье, не претендующей на их всеобъемлющую характеристику, имеют различные политические аспекты. Решения, касающиеся собственности и механизмов координации (экономических механизмов), конечно, тесно связаны с проблемами власти, политических институтов и идеологии.

**2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕФОРМИСТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ,
РЕФОРМА И РЕВОЛЮЦИЯ**

Необходимо предварительно дать некоторые концептуальные пояснения. В дальнейшем я различаю два типа социализма. Первый — классический, т. е. та его форма, которая господствовала при Сталине, Мао Цзедуне и их последователях в других странах. Второй — реформистский социализм, т. е. новая его форма, которая создавалась хронологически, например, при Тито в Югославии, Кадаре в Венгрии, Дэн Сяопине в Китае и Горбачеве в СССР. Можно назвать еще ряд государств. Страны реформистского социализма сделали некоторые шаги на пути к либерализации в политической сфере, отчасти децентрализовали управление государственным сектором и допустили некоторое расширение частного. В то же время они еще поддерживали главные атрибуты социалистической системы: Коммунистическая партия не разделяла власть ни с одной другой политической силой; государственный сектор играл все еще доминирующую роль в экономике, и главным координатором экономической деятельности была централизованная бюрократия, даже если координация осуществлялась менее жесткими мерами. Мы должны также различать реформу и революцию. Реформа нацелена на важнейшие изменения в существующей социалистической систе-

ме, но сохраняет ее основные черты. Революция начинает преобразования, которые в конце концов уведут страну от социализма. Таким образом, различие между реформой и революцией лежит не в методе преобразований (насильственное и ненасильственное изменение) и не в скорости (медленный процесс и внезапный взрыв), а в ответе на вопрос, уничтожает ли трансформация монополию власти Коммунистической партии. В этом смысле в 1989 г. революция началась (в порядке очередности) в Венгрии, Польше, ГДР, Чехословакии и Румынии.* ГДР и Чехословакия избежали стадии реформы и сделали скачок, перепрыгнув из классического социализма прямо к систематическому преобразованию.

Здесь рассматривается реформистский социализм без проблем «пост-социалистического» революционного систематического преобразования**. Когда я отработывал последний вариант статьи, реформистский социализм все еще являлся режимом, который властвовал в двух самых больших странах — СССР и Китае, а также в некоторых меньших, например Монголии, Вьетнаме. Для Восточной Европы это — уже история, но еще такая близкая, что имеет чрезвычайно сильное влияние не только на начальные экономические условия процесса трансформации, но и на политическое мышление и интеллектуальные дебаты. Поэтому предмет статьи — коллективные уроки реформистского социализма — более чем своевременен, так как должен давать некоторую ориентацию в скачкообразных изменениях в социалистическом мире.

3. ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЗ СТРАТЕГИИ

Если проанализировать историю стран с социалистическим типом реформы, то станет ясно, что все без исключения проекты и программы реформы были задействованы еще до настоящей реформы. В качестве первого примера такого предложения реформы социализма можно рассмотреть известное предложение рыночного социализма О. Ланге и дебаты, к которым его идея привела в 1930-е годы. Некоторые проекты и программы реформы были также подготовлены ответственным руководством. Можно привести примеры программ, опубликованных нелегально или полулегально диссидентами-политиками и учеными.

Хотя все разработанные концепции реформы являются интересными документами и некоторые из них оказывали определенное влияние на течение событий, реалии в этих странах никогда не соответствовали какому-либо проекту. Конечно, история знает немало случаев противоречий между желаемым и действительным: судьба Французской революции почти не отразила идеи, которые энциклопедисты и «рыжие» обсуждали в своих работах; Советский Союз в 1930-х годах оказался страной, совершенно отличной от той, которую представляли себе К. Маркс и участники революции 1917 г. Парадоксально, но факт, что основные изменения в странах с централизованно планируемой экономикой никогда не соответствовали «плану центра». Здесь уместно вспомнить китайскую поговорку о «пересечении реки на ощупь». Процесс реформы в социалистических экономиках точно отвечает ей — они начинали «пересекать глубокую воду», не определив конечной цели.

Фактически реформы в социалистических странах характеризуются историческими компромиссами, движением как вперед, так и назад, чередованием периодов эйфории и оптимизма, т. е. периодами, когда проходят иллюзии и наступает крушение надежд. Часто, даже несмотря на

* Во время написания этой статьи, т. е. в марте 1990 г. еще не было ясно, в какой группе окажутся Болгария и Югославия.

** Точка зрения автора на революционное преобразование обсуждается в недавно вышедшей книге [1].

большие усилия, некоторые перемены не могут быть закреплены*. Люди натянулись на запреты, иначе говоря, на каменную стену или границы перемен, установленные нераздельной властью Коммунистической партии и официальной идеологией.

В этих условиях чрезвычайно важно понять, что является спонтанным в процессе реформы. К. Маркс использовал немецкий естественнонаучный термин «природность» для характеристики спонтанных исторических процессов. Они возникают не вследствие правительственных приказов или административного давления, а как выражение свободной воли определенных социальных групп.

Изучение таких «естественно появляющихся» изменений тем более важно, что индивидуальная свобода выбора обычно расширяется вследствие реформы. Спонтанные изменения, таким образом, отражали волюнтаристские решения и предпочтения различных социальных групп.

Подобный подход отличает данную статью от многих других исследований. В большинстве более ранних работ, касающихся реформ в социалистических странах, обсуждались замыслы и действия руководства и аппарата. Хотелось бы, чтобы эта статья привлекла внимание к иному, не менее важному аспекту: к спонтанному развитию, которое не является ответом на действия руководства и может даже идти вразрез с его намерениями.

4. РАЗВИТИЕ ЧАСТНОГО СЕКТОРА

Сначала сосредоточим внимание на частном секторе. Когда автор присоединился к восточноевропейским дискуссиям о реформе в 1954—1956 гг., почти все ученые, принимавшие участие в дебатах, занимались исключительно вопросами государственного сектора. Первоначально обсуждалась проблема, как обеспечить больше автономии и вызвать более сильные побудительные мотивы к получению прибыли государственными фирмами, как децентрализовать экономическую власть администрации, одновременно поддерживая государственную собственность во всех (за исключением наиболее убыточных) секторах экономики.

Когда реформисты пришли к пониманию неадекватности этих предложений реальности, они стали склоняться к расширению рыночного механизма, но все еще цеплялись за положение о доминанте государственной собственности**.

История взяла курс, отличный от этих плановых проектов. Во всех социалистических экономиках, где для проведения реформы еще оставалось время, особенно в Венгрии, Польше и Китае, появление значительного частного сектора стало наиболее важным ее результатом***.

Самое ошутимое вторжение частного предпринимательства в экономику осуществлялось посредством развития фермерства****. Частное сельскохозяйственное производство приняло различные формы. В не-

* Убедительным примером этого в самом начале перестройки в СССР явилось решение о замене плановых заданий государственными заказами, покрывавшими немногим более 30% выпуска. В условиях дефицита, фиксированных отношений поставщик — заказчик и вторжения бюрократии эти заказы охватили свыше 90% выпуска, а поправка 1989 г. к Закону о государственном предприятии (объединении) не позволила включить в заказ все 100%.

** См., например, более ранние работы, отстаивающие децентрализацию, заложившие основу реформы в Восточной Европе [2—9].

*** По поводу формального и неформального частного сектора см. [10—14].

**** Об эффективном увеличении размера частного сектора можно судить по ежегодным данным о рабочем времени населения в различных секторах. В Венгрии общее рабочее время в сельскохозяйственном частном секторе составило более 1/3 рабочего времени в социалистическом в середине 1980-х годов. Все представленные здесь данные при описании частного сектора Венгрии см. в [15, с. 225].

которых на в ча
ме семе
жало вс
гие вид
Так, воз
хозяйст
частный
строите
распрос

В дс
типы не
допуще
та и стр

Реф
видуали
ство со
друзей*

Поя:

пример

В не

ство, ус
даже и
ной соб

зации.
фондов
до посл
ми. На
зультат
вывала
видуали

Нео
гражда
частной
после д
кой а
за пер
вы. Не
пути. В
прямые

* Д.
формаль
и в 1,6 р
Част

сектора
В Совет

ет, что в
** Е
увеличил
рабочее

организо

приятий.

небольш
с 15 тыс
вместа

которых реформистских социалистических странах земля была передана в частную собственность de facto, как, например, в китайской «системе семейной ответственности», в других — частное фермерство выдержало все виды изменений (в Югославии и Польше). Развивались и другие виды частной или получастной сельскохозяйственной деятельности. Так, возросла роль приусадебных участков и вспомогательного сельскохозяйственного производства в Венгрии. Формальный, т. е. легальный частный сектор, появился в различных отраслях услуг, транспорта и строительства; в значительно меньшей степени частный бизнес получил распространение в производстве*.

В добавление к формальному частному сектору возникли различные типы неформальных (незаконных) и нелегальных, но тем не менее допущенных видов деятельности в сферах услуг, коммерции, транспорта и строительства**.

Реформистские экономики также ощутили значительный рост индивидуальных самостоятельных видов деятельности, таких, как строительство собственного дома с помощью одного или двух профессионалов и друзей***.

Появились различные формы дохода от частной собственности, например от сдачи в наем частных домов в городах или дач.

В некоторых странах и в отдельных секторах (жилищное строительство, услуги и сельское хозяйство) в период реформ имели место продажа или передача на условиях найма отдельным лицам государственной собственности или собственности какой-либо общественной организации. Идея приватизации британским путем, т. е. с помощью продажи фондов государственных компаний народу, привела к дебатам задолго до последних дискуссий, вызванных революционными преобразованиями. На практике, однако, значительный рост частного сектора был результатом предпринимательской инициативы, которая частично основывалась на личных сбережениях, а в большинстве случаев — на индивидуальном труде. Как правило, частные фирмы были небольшими****.

Необходимо подчеркнуть, что обычно правительство не убеждало граждан вступать в частный сектор. После увеличения числа запретов частной деятельности этот сектор начинал расти спонтанно, как грибы после дождя, в виде индивидуальных предприятий*****. Расширение такой активности было тем более заметным, так как всегда следовало за периодом жестких репрессий любого проявления частной инициативы. Не надо льстить людям по поводу выбора ими такого жизненного пути. В действительности их привлекли более высокие заработки, более прямые связи между затратами и вознаграждением, большая автономия

* Для примера в Венгрии общее рабочее время в несельскохозяйственном — формальном, т. е. легальном частном секторе увеличилось в 2,4 раза с 1967 по 1985 гг. и в 1,6 раза с 1980 по 1985 гг. [15].

Частное деловое партнерство признано и реализуется группой людей из частного сектора наряду с бизнесом, который осуществляется отдельными лицами или семьями. В Советском Союзе такое партнерство называется «кооперативным», хотя каждый знает, что в действительности это — частное деловое партнерство.

** Например, в Венгрии рабочее время в этом неформальном частном секторе увеличилось в 5,6 раза с 1977 по 1986 г. Рабочее время в нем в 1,5 раза превышает рабочее время в формальном [15].

*** Например, в 1988 г. 65% нового жилищного строительства в Венгрии было организовано частными собственниками [16].

**** Так, в Польше перед революцией 1989 г. существовал 1 млн. частных предприятий, на которых было занято 2 млн. человек.

***** Например, с 1987 г., когда Советское правительство впервые «благословило» небольшие кооперативы с полным рабочим днем, до 1989 г. число их членов возросло с 15 тыс. до 2 млн. наряду с ростом работавших неполный рабочий день и теми, кто имел статус занятых.

и свобода, которые предлагало частное предпринимательство*. Частные виды деятельности в реформистских экономиках породили относительно высокий доход, так как смогли удовлетворить спрос, который не удовлетворил государственный сектор. Ремесленник, владелец бакалейной лавки или небольшого ресторана был бы типичным представителем средней доходной группы в экономике частного предпринимательства. В условиях хронического дефицита те же виды деятельности перебросили этих людей в более высокую доходную группу, но не из-за особой их жадности, а вследствие редкости предоставляемых ими услуг. Цена, которую они получили за свою продукцию, была чисто рыночной в небольшом секторе экономики, где работал подлинный рынок. Они могли выразить свою признательность государственному сектору, фискальной и денежной системам, которые создали условия и предложения, ведущие к свободным рыночным ценам, значительно более высоким, чем официальные цены в государственном секторе.

Размеры роста частной экономической деятельности куда более ощутимы, если учесть тот факт, что этот бизнес должен был приспособиться к враждебному окружению нерешительно изменяющейся социалистической экономики. Несмотря на некоторое улучшение повседневная жизнь частного бизнеса в странах реформистского социализма все еще характеризовалась множеством бюрократических рестриктов.

Доступ к сырью, кредит и иностранная валюта были лимитированы, и их часто приходилось приобретать нелегальным или полунелегальным путем.

Враждебность проявлялась и в недоброжелательности людей, которым казалась подозрительной растущая разница доходов. Зависть к лицам, начавшим зарабатывать больше других, что имеет место во всех странах, по-видимому, скорее разделяется обществом, где люди воспитаны рассматривать равенство как главное желаемое достижение общественного прогресса.

И, наконец, нерешительность проведения реформы вызвала дополнительные трудности из-за отсутствия легальных институтов последовательной защиты частной собственности и претворения в жизнь частных контрактов, а также из-за репрессий лидеров политических движений и ассоциаций в поддержку интересов частного сектора. Но это уже идеология вопроса.

Можно ли предположить, что небольшая частная деятельность в условиях реформистского социализма неизбежно ведет к капитализму? Многие защитники реформы в социалистических странах поддаются соблазну ответить просто «нет». Тем не менее, если мы хотим быть объективными, невозможно так просто ответить на этот вопрос.

Используя терминологию марксистской политической экономии, можно определить подавляющую часть деятельности частного сектора в социалистических странах (экономиках) как небольшое товарное производство.

Грубо говоря, решающее отличие такого товарного производства от подлинного капитализма в марксистском смысле состоит в том, что первое использует только затраты труда отдельного лица и членов его семьи, а последний регулярно эксплуатирует наемный труд, стремясь получить прибыль, и потому является эксплуататорским. В этом контексте на идеологию и практику классического социализма, запрещаю-

* Так, в Венгрии некий юрист решил оставить свою работу в государственном предприятии и открыть ресторанчик только для того, чтобы больше не получать указаний, что ему нужно делать. По этой же причине бывшие члены сельскохозяйственного кооператива поступили так же и основали небольшой местный пищеперерабатывающий завод.

щего
больш
«...мед
ежедне
Полн.
любно
мелких
капита
группа
что бы
кредит
стему с
эконом
кумуля
рых ре
к капит
ному бл
рению
препятс
кратизм
посылка
ческой
тельный
чения н
номике
чение н
мать, п
частный
тике. Ра
бы влас
контрол
точный
дело, а
ся на ра
телем на
ционали
предпри
дут закл
В это
ным дост
ский и и
тить при
лизма м
которые
гласно на
связывае
лениями
треблени
часто нач
вии, что с
основател
И общ
телей к с
товаров и
маться би

шего не только капитализм, но и небольшое частное производство, большое влияние оказала часто цитируемая фраза В. И. Ленина, что «...мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6]. По моему мнению, В. И. Ленин был абсолютно прав. Если общество допускает существование большого числа мелких товарных производителей, разрешает им аккумулировать капитал и увеличивать его со временем, то рано или поздно появится группа настоящих капиталистов. Чтобы понять это, нужно представить, что было бы, если бы частные производители имели такой же доступ к кредиту, ко всякого рода ресурсам, такую же налоговую систему и систему субсидий, что и государственные предприятия в социалистической экономике. Несомненно, более успешный частный бизнес начал бы аккумулироваться и расти. Таким образом, отрицательный ответ некоторых реформистов на вопрос, приведет ли малое товарное производство к капитализму, уже предрешен тем, что правительство не позволит частному бизнесу переступить определенную границу. В самом деле, расширению частного сектора в реформистских социалистических экономиках препятствовал не только канцелярский вездесущий и всемогущий бюрократизм; развитие частного сектора идет вразрез идеологическим предпосылкам системы, и поэтому сдерживалось правящими Коммунистической партией и правительством, которым был нежелателен значительный капиталистический сектор. Использовались различные ограничения на рост возможностей частного сектора в социалистической экономике. Иногда они были легальными, такими, как, например, ограничение на число людей, которых частное предприятие имело право нанять, или на величину капитала, который было разрешено вложить в частный бизнес. Все ограничения нашли завершение в налоговой политике. Размер налога со временем мог существенно меняться, что дало бы властям дополнительные возможности держать частный сектор под контролем. Мелкие ремесленники и торговцы в состоянии определить точный уровень налога, который позволил бы им поддерживать свое дело, а превышение этого уровня вынудило бы их бросить его и вернуться на работу в государственный сектор. Наиболее сильным ограничителем накоплений были неопределенность и страх перед возможной национализацией и конфискацией. Еще жива память о репрессиях, и предприниматель вполне мог ожидать, что он и его дети однажды будут заклеены как «буржуазия» или «кулаки».

В этой ситуации ограничения на накопление капитала сделали трудным достижение эффекта масштаба. Для человека в данный политический и идеологический момент более рациональным было бы растратить прибыль, а не пускать ее в дело. В исторических оценках капитализма мы обычно читали о скупости основателей семейного бизнеса, которые старались передать свое богатство будущим поколениям. Согласно нарисованной Т. Манном в романе «Будденброки» картине, мы связываем расточительность только со вторым и последующими поколениями семейной линии капиталистов. Напротив, разорительное потребление в семейном бизнесе в странах реформистского социализма часто начинается с самого первого дня его существования при том условии, что совсем не ясно, будет ли дело продолжаться даже при жизни основателя.

И общественное окружение частного сектора привело его представителей к близорукому поведению. Обычно частная фирма не заинтересована в добрых взаимоотношениях со своими клиентами по поводу товаров и услуг, так как ее владельцы чувствуют, что не смогут заниматься бизнесом в следующем году. Но они и не должны были хорошо

изучать своих покупателей в условиях рынка. Частные фирмы могли позволить себе пойти на обман, чтобы получить наибольшую прибыль. Привычка потребителей к очередям и дефициту в государственном секторе помогала частной фирме легко сохранить своих клиентов, хотя ее служащие могли едва ли быть более любезными и вежливыми, чем их коллеги в государственном секторе. Вместо того, чтобы уровень государственного обслуживания поднялся до рыночного, в условиях экономики хронического дефицита этот уровень в новых небольших частных предприятиях опустился до государственного.

Во всех реформистских экономиках частные предприятия должны научиться использовать взятки для приобретения требуемых ресурсов. Обман необходим не только для этого, но и для защиты бизнеса от государства. Рассказывают много историй о советских кооперативах и частных предпринимателях в других странах, вынужденных давать взятки местным официальным лицам, чтобы получить лицензии. Некоторые индивиды, вступавшие в частный сектор, были не предпринимателями, а искателями приключений. Таким оказался рассматриваемый процесс естественного отбора в данных условиях.

Эти обстоятельства заложили основу социального положения частного сектора. Ежедневный опыт давал аргументы для «антикапиталистической» демагогии и популярных лозунгов против спекуляции, алчности и обмана. Комично, что некоторые политики и журналисты в реформистских и даже в «постсоциалистических» странах (иногда даже в «новых левых» кругах внутри оппозиционных групп) выступают против высоких цен и спекуляции по моральным соображениям. Не признается неудобным декларировать желательность рынка и в то же время отказываться в легальности цене, порожденной тем же рыночным механизмом. Такая пропаганда подпитывает ограничения и вмешательства, которые ведут к капитализму в его худшем виде. Поэтому мы сталкиваемся с порочным кругом. Современная социалистическая система нуждается в активных вложениях частного сектора, иначе она не сможет заполнить прилавки товарами. Социализм подошел к такой стадии развития, когда он не в состоянии выжить на бедной, некапиталистической основе и должен сосуществовать со своим признанным отъявленным врагом как вне, так и внутри своих границ.

5. СОПРОТИВЛЕНИЕ БЮРОКРАТИИ

Что же касается государственного сектора, то главная идея первоначальных проектов реформы (ликвидация заданий по выпуску и нормам затрат) была отвергнута командной экономикой. Среди стран с социалистическим типом реформы только Югославия и Венгрия были более или менее последовательны в осуществлении этих предложений до последней волны ускоренных изменений.

Когда начался процесс реформы в 1950—1960-х годах, то вначале ожидалось, что административная система будет упразднена и возникший моментально вакуум заполнится рыночным механизмом. Другими словами, бюрократические команды мгновенно были бы заменены рыночными отношениями.

Основная посылка такой позиции состояла в существовании простой дополняемости механизмов рыночной и бюрократической координации*. Однако эти ожидания, которые разделял и автор в 1955—1956 гг.,

* Термин «бюрократическая координация» автор здесь и в других работах использует в нейтральном смысле, без какого-либо отрицательного оттенка, как во многих статьях и речах в Восточной Европе. Этот термин относится к определенным типам управленческого и координационного видов деятельности. Главной особенностью дан-

оказа
нистр
хани
крати
рынк
мер,
движ
вова
лась
ми го
форм
ным у
от ее
контр
вмеш
ме, а
Пр
или «
ской
зульт
стиче
бюро
искре
избав
в Кит
разме
вания
тии т
являе
она п
управ
рован
ления
тов. С
жени
и усл
власт
играл
эффе
функц
части
На
ные п
посто
нет б
сторо
рошо
теля
иметь
ны, н
сектор
ного м
вниси
инстру
Т. Наг

оказались наивными. Вакуум, образовавшийся после ликвидации административной системы, т. е. устранения прямого бюрократического механизма, был заполнен не рынком, а косвенным вмешательством бюрократического механизма*. И хоть на волне реформы взметнулась роль рынка, бюрократия продолжала занимать свою позицию. Так, например, ее место все еще оставалось главным при решении вопроса о выдвижении и продвижении руководящих работников, создании и существовании фирм. И даже когда она уменьшила или совершенно отказалась от прямого административного контроля над выпуском и затратами государственных фирм, она все еще контролировала их посредством формальных инструкций и неформальных требований, административным установлением цен, чрезвычайно сильной финансовой зависимостью от ее высших органов, т. е. министерств, органов внешней торговли, контроля цен, финансовых органов, полиции и т. д. Часто в дела фирм вмешивались и партийные организации. Изменения происходили в форме, а не в интенсивности зависимости.

При описании частного сектора мы применили термины «спонтанный» или «естественно возникший». Подчеркнем, что сопротивление гигантской бюрократии переменам является спонтанным и естественным результатом социалистической экономики. ЦК или Политбюро Коммунистической партии не должны были принимать решений в поддержку бюрократии в процессе реформы. Но бюрократия выросла несмотря на искренние попытки уменьшить ее и вопреки драматическим кампаниям избавиться от нее, как это имело место во время культурной революции в Китае. Перестройка в СССР изначально поставила цель — сократить размеры бюрократии, однако то, что произошло до 1990 г., не дает основания сделать заключение о сдерживании естественного роста бюрократии только с помощью реформы. Самовоспроизводство бюрократии является в том смысле, что, если ее устранить в каком-то одном месте, она появляется в другом, но в несколько иной форме. Бюрократия управляла социалистической экономикой и в классическом и реформированном видах. Эта постоянная реставрация бюрократического управления в большой степени объясняется сильными стимулами бюрократов. Один из них — все материальные преимущества, связанные с положением бюрократии: финансовые блага, привилегии и доступ к товарам и услугам в условиях дефицита. А более важным является притяжение власти. Но это уже политический вопрос. Определение ролей, которые играли бюрократический и рыночный механизмы — проблема не просто эффективного распределения труда между ними. Дать возможность функционировать рынку означает сознательную капитуляцию большей части бюрократической власти.

Наиболее серьезными последствиями этой ситуации были наложенные на реформу в государственном секторе ограничения, вызванные постоянным стремлением бюрократии к самовоспроизводству. Это станет более ясно, если выяснить, кто поддерживает реформу. С одной стороны, в случае частного сектора, число ее сторонников велико и хорошо известно. Это все те граждане, которые в качестве предпринимателя или наемного рабочего выбирают или по крайней мере хотели бы иметь возможность выбрать работу в частном секторе. С другой стороны, никто бы не выиграл от широкой децентрализации государственного сектора, так как в результате ее каждый, вовлеченный в государствен-

ного механизма является многоуровневая иерархическая организация управления, зависимость нижестоящего от вышестоящего и повелительность и даже принудительность инструкций последнего.

* Термины — прямое и косвенное управление — впервые использованы К. Сабо, Т. Наги, Л. Анталом.

ный сектор, что-то получил бы, но что-то и потерял. Каждый член бюрократического аппарата мог бы обрести независимость по отношению к вышестоящему начальству, но в то же время утратил бы свою власть над подчиненными. Уход в патернализм и сопутствующее ожесточение бюджетного ограничения* повлекло бы за собой как преимущества, так и неудобства и для управляющих, и для рабочих государственной фирмы. Они выиграли бы в автономии, но проиграли в протекционизме. Каждый работающий в государственном секторе болезненно чувствовал бюджетное ограничение, патернализм и протекционизм. В то время, когда высокие налоги были нежелательны, субсидии, даже если фирма не получала их, могли бы пригодиться в будущем, и потому против них настойчиво можно было не выступать. Дефицит удобен фирме как покупателю и подходит ей как продавцу.

Оказалось, что ни бюрократы, ни менеджеры, ни рабочие не были последователями конкуренции или маркетизации государственного сектора. Некоторые осведомленные правительственные официальные лица и мыслящие люди могли прийти к выводу, что ужесточение бюджетного ограничения и уменьшение патернализма было необходимо для улучшения функционирования экономики. Однако забастовок или уличных демонстраций за рост экономической эффективности на базе расширения государственного протекционизма не происходило. Тогда не существовало стихийного движения за децентрализацию государственного сектора. Так как, с одной стороны, имелся сильный стимул поддержать бюрократические позиции, а с другой — были выступления против них, то в результате бюрократический механизм постоянно воспроизводился.

6. СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СВЯЗИ: СЛАБОСТЬ РЫНОЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

После обсуждения частного и государственного секторов, роли бюрократии и рынка в экономике стран с социалистическим типом реформы, рассмотрим тему статьи с несколько более общей точки зрения.

Между формой собственности и механизмом координации существуют две сильные связи**. Принято сравнивать экономику классического дореформенного социализма, которая объединяла государственную собственность с механизмом бюрократической координации, и классическую капиталистическую экономику, соединяющую частную собственность с рыночным механизмом. Их можно считать исторически исходными моделями.

Сравнивая их, видим, что в экономиках с социалистическим типом реформ частный сектор, главным образом управляемый рынком, подвергался и бюрократическому управлению. Однако такая попытка наложить бюрократический контроль на частную деятельность не работала и не могла гладко работать из-за их несоответствия друг другу. К тому же были осуществлены другие, в общем также несообразные,

* Термины «гибкое» и «жесткое» бюджетное ограничение обсуждаются в [17—19]. По существу, понятие жесткого бюджетного ограничения является синонимом полной финансовой самостоятельности фирмы и реальной угрозы банкротства в случае ее неплатежеспособности. Гибкое бюджетное ограничение относится к ситуации, когда государственная бюрократия различным образом помогает государственной фирме через субсидии, налоги, гибкий кредит, договорную административную цену и т. д., и когда фирма защищена от финансового провала. Таким образом, выживание и расширение фирмы зависит больше от ее связи с бюрократией, чем от успеха на рынке.

** На ход мысли этого раздела оказала влияние литература по теории прав собственности [20—22] и особенно та, где обсуждаются вопросы прав собственности в социалистической системе. Здесь хотелось бы выделить классическую работу Л. Фон Мизеса [23], а из самых последних — Д. Лавуа [24] и Г. Шройдер [25].

попытки
механизм
Однако
бюрократ

Таки
ханизмо
бюрократ
Понятие
ракет.
между с
она возн
ние. Она
определе
бый» от
и недост
из них.

Нрав
реформы

Набл
рынком
том, мож
старого
вует бол
циализм
Эта идея
собствен
время пр
динации.

Я не
циализма
и внутре
ными при

Помни
листическ
вдаваясь

Что к
третьего
чают как
Защищая
ность, ко
координа
ние как
эти «трет
торая вкл
ные на с

* И ми
ной и бюро
сектор экон
государствен

** Некс
ской сфере,
ма и от пар
дискуссия о

попытки скоординировать работу государственного сектора с рыночным механизмом. Эта идея служила центром проекта рыночного социализма. Однако оказалось, что невозможно уменьшить доминантное влияние бюрократии.

Таким образом, связи между государственной собственностью и механизмом рыночной координации и между частной собственностью и бюрократической координацией можно охарактеризовать как слабые. Понятие «сильные» и «слабые» связи носит просто описательный характер. В соответствии с общей философской концепцией статьи, связь между формой собственности и типом координации — сильная, если она возникает спонтанно и распространяется несмотря на сопротивление. Она основывается на естественном сходстве и сцеплении между определенными типами механизмов координации. Прилагательное «слабый» относится к связям, которые до некоторой степени искусственны и недостаточно сильны, чтобы сопротивляться влиянию более сильной из них.

Нравится это или нет интеллектуальным и политическим лидерам реформы, но слабые связи постоянно отодвигаются более сильными*.

Наблюдение, что связь между государственной собственностью и рынком слаба, должно серьезно учитываться в дебатах по вопросу о том, можно ли найти третий путь между классическим социализмом старого сталинистского типа и современным капитализмом**. Существует большое число точек зрения на такой путь, причем рыночный социализм — только один из многочисленных проектов и предложений. Эта идеология привлекает людей, которые внутренне против частной собственности по политическим и моральным соображениям, но в то же время признают неэффективность бюрократического механизма координации.

Я не выступаю против желательности системы рыночного социализма, но рассматриваю ее возможности. В самом деле слабость и внутренняя непоследовательность этой системы являются достаточными причинами, чтобы отвергнуть указанную идею.

7. СЛАБОСТЬ ДРУГИХ «ТРЕТЬИХ ФОРМ»

Помимо рыночного социализма в социалистических и бывших социалистических странах изобилуют другие доктрины третьего пути. Не вдаваясь в подробности, можно отметить следующее.

Что касается собственности, то многих приверженцев идеологии третьего пути привлекают формы прав собственности, которые исключают как строго государственную собственность, так и условно частную. Защищаются различные «третьи формы» — кооперативная собственность, коммуны, рабочее управление и т. д. Относительно механизмов координации — снова подчеркивают негативные элементы — исключение как бюрократического, так и рыночного управления. Назовем все эти «третьи механизмы» координации ассоциативной координацией, которая включает различные модели механизмов согласования, основанные на самоуправлении, альтруизме и взаимном сознательном регули-

* И многие другие комбинации государственной и частной собственности, рыночной и бюрократической координации заслуживают внимания. Например, если частный сектор экономики сильный и стабильный, определенная часть экономики может быть государственной и ее можно заставить работать по правилам рынка.

** Некоторые политические деятели и ученые отстаивают третий путь в политической сфере, отличный от политических структур сталинского классического социализма и от парламентской демократии западного типа. В соответствии с задачами статьи дискуссия ограничивается идеями третьего пути только в экономической сфере.

ровании. Ранняя литература по социализму богата высказываниями о том, что социалистическое общество должно базироваться на кооперативной собственности, на нерыночном, не бюрократическом механизме ассоциативной координации. Отдавая дань такой традиции мышления, К. Маркс применил термин «утопический социализм». Представителями этого направления мысли были П. Прудон, до некоторой степени Ш. Фурье, Р. Оуэн и др.

Более поздняя литература этого направления не всегда объединяет кооперативы и рабочее управление с механизмом ассоциативной координации. Одни авторы делают акцент на кооперативах и рабочем управлении, другие — на механизме ассоциативной координации, а в некоторых случаях они рассматриваются вместе. Конечно, кооперативная собственность может быть связана не только с механизмом ассоциативной координации, но и с рыночными отношениями. Идеи такого рода постоянно возникают в дискуссиях по реформе в социалистических странах.

Например, в Югославии проводились эксперименты по соединению рабочего управления с механизмом рыночной и ассоциативной координации. Работа больших сегментов экономики координировалась обычно посредством рыночного механизма. В то же время были заключены так называемые социальные договоры для установления прямых контактов между представителями производителей и потребителей; предполагалось, что их деятельность должна быть согласована.

В то время как официальная политика колебалась между рыночным механизмом и ассоциативной координацией, в действительности все время преобладала бюрократическая координация.

Китайскую культурную революцию можно было рассматривать как еще одну попытку уничтожить бюрократию и перейти к небюрократическому социализму без введения рыночных элементов. Ни югославский, ни китайский эксперименты не привели к убедительным результатам. В обоих случаях изменения были навязаны обществу политическим лидером. Хотя вначале инициатива верхушки имела большую поддержку среди по крайней мере части населения, впоследствии она была установлена и навязана повсюду без поддержки какого-либо уклона от центральной линии партии. И потому факт, что что-то, напоминающее кооперативную собственность и рабочее управление, было и все еще является доминирующей формой собственности в Югославии или, что риторическая «культурная революция Мао» подтвердила принципы, подобные ассоциативной координации, еще не позволяет нам сделать какие-либо выводы относительно действительной силы этих форм. Вместо этого используем предложенный ранее критерий и посмотрим, будут ли кооперативная собственность и ассоциативная координация развиваться спонтанно и естественно в процессе реформы. Этот вопрос важен потому, что создание подлинных добровольных кооперативов, добровольных соглашений и других форм ассоциативной координации в этих странах не запрещается. К небольшим кооперативам относятся более терпимо, чем к открытой частной экономической деятельности. Конечно, альтруизм и отсутствие коммерции легальны в любой системе. Однако хотя третьи формы (кооперативы, рабочее управление и ассоциативная координация) существуют даже на гребне бюрократической централизации, они не развивались после отмены командной системы. Когда были разрешены формы, отличные от централизованной государственной, быстрое развитие получила частная собственность. Образовавшийся после устранения прямого бюрократического управления вакуум тотчас же заполнился главным образом косвенным бюрократическим управлением и некой формой рыночного механизма.

Кооперативная собственность, рабочее управление и ассоциативная координация в лучшем случае играли только вспомогательную роль*.

Суммируем аргументы, касающиеся силы и слабости форм социальной организации. Сильными являются государственная и частная формы собственности, а различные третьи формы имеют относительно мало приверженцев. Аналогично, когда широко распространяются бюрократический и рыночный механизмы координации, ассоциативная координация работает только в довольно узкой области. В этом и есть сходство связей государственной собственности и рыночного механизма, частной собственности и рыночного механизма, все же другие потенциальные связи между формами собственности и формами координации слабы, и существует тенденция к их подавлению двумя первыми сильными.

С точки зрения дискуссий по поводу преобразований, идущих сейчас в социалистических и бывших социалистических странах, необходимо признать, что о слабости третьих форм судят по малой выборке в пределах короткого периода времени. Вероятно, двадцать или тридцать лет назад исследователи могли наблюдать, как эта тенденция была приостановлена, и история взяла другой курс. История всегда непредсказуема. Но пока нет экспериментального опровержения, имеет смысл помнить об этих предварительных наблюдениях силы и слабости альтернативных форм собственности, механизмах координации и связях между ними.

Совершенно непонятно, почему различные социальные группы и интеллектуальные течения выступают за более широкую роль третьих форм. Их усилия могут повлечь благотворные последствия, но было бы нечестно игнорировать факты их слабости.

8. ВЫВОДЫ

Никакие исследования третьих форм собственности и механизма координации не позволяют уклониться от трудного выбора. Мы действительно должны определить относительную важность двух сильных форм собственности — государственной и частной. Тесно связанным с этим будет выбор соотношения двух сильных механизмов координации — бюрократического и рыночного.

Мы не сталкиваемся с выбором типа «или — или» между взаимно исключающими формами: или государственная собственность с бюрократической координацией или частная с рыночной. Однако из идеи статьи следует:

- 1) государственная и частная собственность могут сосуществовать в недрах одного и того же общества. Но для политической, социальной и идеологической сфер стран с социалистическим типом реформы это — сложный симбиоз со множеством дисфункций;
- 2) выбор действительного соотношения государственной и частной собственности и связанное с этим решение о комбинации бюрократической и рыночной координации зависит в конце концов от участников выбора. В статье не комментируются эти важные суждения ни по политическому, ни по экономическому критериям, лежащим в основе выбора. Здесь предлагаются некоторые условные прогнозы, исходящие из предположений о слабых и сильных сторонах возможных связей между

* Во многих статьях третьи формы собственности и соответствующий механизм координации связываются с определенными политическими идеями, такими как централизация административной деятельности правительства, растущая роль местного руководства, демократии и самоуправления, различные кооперативные идеи и т. д. Но обсуждение этих аспектов выходит за рамки данной статьи.

собственностью и механизмами координации. История предостерегает нас от иллюзий и напрасных ожиданий. Преобладание государственной собственности означает «комплексную сделку» с большой дозой бюрократической координации. Необходимо помнить также, что расширение рыночной координации в действительности означает расширение частной собственности и индивидуальной деятельности. Но желательный механизм координации (например, рыночный) нуждается в существенной поддержке соответствующей формы собственности (частной). Аналогично, нельзя получить желаемую форму собственности (скажем, общественную), не имея соответствующего механизма координации (бюрократического в данном случае). Такова реальная политика реформ.

Обычные лозунги, преобладающие в экономической литературе в странах реформистского социализма, призывающие к государственной собственности и рынку, вызывают недоразумение или порождают наивные надежды на третий путь, который опровергается горьким опытом эксперимента полуреформ. Но тогда должны ли эти страны вступить на мучительный путь постепенного освобождения от иллюзий? Действительно, безнадежно ли ожидать, что недавно приступившие к реформам страны могут чему-то научиться у разочарованных первопродовцев?

3) те, кто искренне желает усиления роли рынка, должны предоставить больше возможностей для легальной частной деятельности, для свободного ее существования, для конкуренции, частного предпринимательства и частной собственности. Автор отдает предпочтение такому курсу*. Только радикальное расширение частного сектора создает благоприятные условия для маркетизации всей экономики, включая рыночные атрибуты и более прибыльные стимулы для государственных фирм. Движение в этом направлении, а именно — расширение частного сектора — наиболее важный критерий экономического преобразования.

Ранняя версия статьи была представлена на круглый стол по «Рыночным процессам в плановых экономиках», организованный совместно Международной Экономической Ассоциацией и АН СССР в Москве 28—30 марта 1989 г., и включена в издание его материалов.

Автор выражает благодарность участникам круглого стола и редакторам этого издания К. Шапиро, Дж. Стиглицу и Т. Тейлору за ценные комментарии. Особо автор благодарен самым близким сотрудникам — М. Ковач и С. Крюгер — за помощь в редактировании статьи. Статья — продукт исследования по политической экономии социализма, нашедший поддержку Венгерской АН, Фонда Слоэна Гарвардского университета, Всемирного института исследования экономического развития (WIDER). Автор выражает им особую признательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kornai J. The Road to a Free Economy. Shifting from a Socialist System: The Example of Hungary. N. Y., 1990.
2. Kidric B. Sabrana Dela (Collected Works). Beograd, 1985.
3. Péter G. Az egyszemélyi felelős vezetésről//Társadalmi Szemle. 1954. V. 9. № 8—9.
4. Péter G. A gazdaságosság jelentőségéről és szerepéről a népgazdaság tervszerű irányításában//Közgazdasági Szemle. 1954. V. 1. № 3.
5. Péter G. A gazdaságosság és a jövedelmezőség jelentősége a tervgazdaságban, I—II//Ibid. 1956. V. 3. № 6; V. 3. № 7—8.
6. Kornai J. Overcentralization in Economic Administration. L., 1959.
7. Brus W. The Market in a Socialist Economy. L., 1972.
8. Liberman E. G. The Plan, Profits and Bonuses//Socialist Economics: Selected Readings. Middlesex, 1972.
9. Sun Y. Some Theoretical Issues in Theoretical Issues//Social Needs Versus. Economic Efficiency in China. Armonk, 1982.

* Более детально о политических предложениях автора см. в [1].

10. Gros № 5.
11. Gábor Econ
12. Davi. trally in the
13. Pom. 1986 Econ
14. Dalla ach//
15. Timá.
16. Centr
17. Korn.
18. Korn. rature
19. Korn.
20. Alchi. V. 33.
21. Demd
22. The E
23. Mises Plann
24. Lavo. sidere
25. Schroe es//Sti

10. *Grossman G.* The «Second Economy» of the USSR//*Probl. of Communism*. 1977. V. 26. № 5.
11. *Gábor J. R.* The Major Domains of the Second Economy//*Labour Market and Second Economy in Hungary*. Frankfurt; N. Y., 1985.
12. *Davis C. M.* The Second Economy in Disequilibrium and Shortage Models of Centrally Planned Economies//*Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR*. 1988. № 12.
13. *Pomorski S.* Privatization of the Soviet Economy under Gorbachev I: Notes on the 1986 Law on Individual Enterprise//*Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR*. 1988. № 13.
14. *Dallago B.* The Underground Economy in the West and East: A Comparative Approach//*Comparative Economic Systems: Models and Cases*. Irwin. 1989.
15. *Timár J.* *Idő es munkaidő*. Budapest, 1988.
16. Central Statistical Office (Statistical Yearbook 1988). Budapest, 1989.
17. *Kornai J.* *Economics of Shortage*. Amsterdam, 1980.
18. *Kornai J.* The Hungarian Reform Process: Visions, Hopes and Reality//*J. Econ. Literature*. 1986. V. 24. № 4.
19. *Kornai J.* The Soft Budget Constraint//*Kyklos*. 1986. V. 39. № 1.
20. *Alchian A. A., Demsetz H.* The Property Rights Paradigm//*J. Econ. History*. 1973. V. 33. № 17.
21. *Demsetz H.* Toward a Theory of Property Rights//*Amer. Econ. Rev.* 1967. V. 57. № 2.
22. *The Economics of Property Rights*. Cambridge, Mass., 1974.
23. *Mises L.* *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*//*Collectivist Economic Planning*. L., 1935.
24. *Lavoie D.* *Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered*. Cambridge, 1985.
25. *Schroeder G. E.* Property Rights Issues in Economic Reforms in Socialist Countries//*Studies in Comparative Communism*. 1988. V. 21. № 2.

Поступила в редакцию
9 III 1990